

ИГОРЬ РЕВВА

Поводок

Сказка дедушки Куина

Вы вот мне всё: «дедушка», «дедушка». А ведь дедушки – они тоже разные бывают. На одного нахвалиться не можешь, а иного и в глаза б не видел. Особенно если дед этот из Пустынной Долины в Сиузских горах. Про Пустынную Долину-то вы все, думаю, слышали. Как это – нет?! Ну, я вам тогда и о ней тоже как-нибудь расскажу, потому что долина та интересная и вполне заслуживает отдельной истории. Но сейчас, чтобы не отвлекаться, вы просто запомните, что есть такая в Сиузских горах. И даже что-то вроде дороги туда ведёт; хотя, какая там дорога – недоразумение одно. Это вот если от Касиора прямо на восток идти, то сразу за городской окраиной увидите вы Гиблую Канаву. Она и правда на канаву похожа или, скажем, на русло высохшего ручья. Но это просто так кажется, а на самом деле никакая это не канавка – самая настоящая дорога. В дождь, конечно, она и правда немало воды собирает, не хуже любой канавы. И даже не воды, а грязи, сора и дрязга всякого; так что название «гиблая» к ней в ту пору очень даже подходит.

Но «гиблость» этого места вовсе не в том, сколько там дряни скапливается, а в том, что ведёт эта канавка-дорога на восток, прямо к Сиузским горам. И протоптали её те, кто в горы ушёл, а их – ох, как много было! И все – только в одну сторону, обратно оттуда никто ещё не воротился. Кроме одного старика, о котором я сейчас расскажу и которого вам лучше бы никогда не повстречать.

Топтать Гиблую Канаву начали в те времена, когда на острове Талод ещё пылал Неугасимый Маяк. Колдунам тогда приходилось тяжело, да и вообще силами Ордена Следящих магия в Межгорье напрочь изведена была. Крохи только какие-то остались, хотя и были те крохи самыми крепкими, самыми неистребимыми.

Все знали не только что Неугасимый Маяк – дело рук бессмертного бога и подружки его, ведьмы с Риифорских болот, но и что всесильная парочка эта обитала в южной части Сиузских гор, недалеко от места, где скалы выходят к самому морю. Вроде бы там есть пещера, в которой они и жили. А уж про чудеса, какими та пещера прям битком набита, такого порою рассказывают, что только слушать да удивляться.

Врут, конечно. Откуда бы им это всё знать, если обратно никто не вернулся? Ну, кроме того самого старика... Не знаю уж, как ему удалось Пустынную Долину пройти, да ещё дважды – туда и обратно...

Короче говоря, сказки о пещере бессмертного ни для кого секретом не были. И всегда находились отчаянные головы, которым недоставало ума махнуть на эти истории рукой. Да и то сказать: когда в человеке искорка магическая тлеет, то тут хоть Маяк, хоть Орден, хоть бей-жги-казни его – ничто не поможет. Это ведь как любовь... да это и есть любовь-то, если подумать! Только не к девушке-красавице, а к магическим тайнам, к ворожке. И, не умея противиться этой своей любви, многие отправлялись искать пещеру. Но никто так и не отыскал, потому что пересечь Пустынную Долину невозможно. И все о том знали. Но продолжали идти – любовь!..

Объявились в Касиоре у нас как-то двое незнакомцев, судя по одежде и выговору, либо из Лиета, либо из самого Андиоара. Из вещей с собой – один мешок. Одеты кое-как. А вот кони у них были хорошие; многие, кто их видел, сразу подумали, что краденые. А уж когда приезжие начали коней на продажу предлагать, да за цену, менее чем смешную, тут уж и полные дураки смекнули, что это за лошадки-то. Хотя

сами приезжие на конокрадов похожи были не очень, а если по речам судить, то и вовсе за учёных можно было их принять или за студентов каких.

Короче говоря, продали они коней какому-то пастуху из Акары. И хорошо, что из Акары, потому что тот живенько так засобирился и уехал домой вместе с лошадками своими сомнительными. Уехал и не узнал, что эти двое принялись по кабакам осторожные такие вопросы задавать насчёт проводника. А проводник-то им нужен был в Сиузские горы. То есть просто отправиться туда хоть по той же Гиблой Канаве студенты эти не желали; подавай им, значит, проводника. И уже не таились они даже особо-то; то ли по дури своей, то ли от волнения сильного, а порой и долетал от их стола разговор о колдовстве, о волшебниках и заклинаниях.

Ну, время тогда было, я вам уже объяснил, какое. И за подобные разговорчики Орден Следящих запросто мог язык отрезать тому, кто болтал, и уши – тому, кто их на эту болтовню развешивал. И, понятное дело, стоило им только в кабаке каком рот раскрыть, как заведение мигом пустело. Трактирщики, кстати, недовольны были этим очень; сами даже хотели обоих тех путешественников где-нибудь повесить потихонечку. Но не успели – встретился студентам-колдунам старик из Кагоара.

Основным занятием того старика было шляться по кабакам да за кружку вина поддакивать разным рассказчикам. А когда поддакивать было некому, то он и сам принимался небылицы плести, немилосердно смешивая и перевирая всё, когда-либо услышанное. А то ещё начинал о себе сочинять разное: то, что родом он из Хадра и был там лучшим кузнецом; то вдруг делался он лесничим из Сорота, и вроде бы там дождалась его молодая жена-красавица; а то уверял, что родился в самом Лаоэрте, и что там до сих пор ждут его старенькие родители. Одним словом, всякий раз что-то новое врал.

Но чаще всего эти его сказки крутились вокруг хворенького внука-сироты, что обитался в кагоарском порту с какой-то то ли нянькой, то ли дальней родственницей. Поэтому, видать, все и считали, что дедок на самом деле из Кагоара. Но точно всё равно никто не знал: у старика-то не спросишь, враз с три пригоршни наврёт. Да и голова у него уже, видать, плохо соображала, он и слова порою часто перевирав и путал. Вот, к примеру, как узнал он, что приезжие колдуны проводника разыскивают, так сразу же и объявил себя бывалым следопытом и опытным проводником, привычно переврав малознакомые ему понятия. Я, говорит, и есть самый опытный в округе слеподык и поводок...

Ну, что тут ещё сказать-то? Одно слово – дурак старый... поводок он, видишь ли...

Местные знали, что умишко у деда слабоват, а приезжие – ну, кто им скажет-то? Хотя кое-какие сомнения у них всё же зародились – это когда они уточнили, что им не просто в Сиузские горы надо, а именно в Пустынную Долину; на что старик ответил, что он там прям аж вот родился, прожил всю жизнь, и что там-то его и дожидается хворенький внучок-сиротка.

Надо уточнить, что сомнения те у приезжих недолго в голове сидели, и с поводком-проводником своим они живенько договорились. Оно и понятно: дурак дурака видит издалека. Рассказывают ещё, что дедок запросил с гостей в виде платы сущую мелочь – монетку серебряную. То есть в обрез на большой кувшин вина хватило бы. Приезжие, понятное дело, за язык его – цап! Вот, мол, тебе денежка, и давай веди нас туда прямо сейчас. Дедок, правда, хотел было деньги тут же пропить, но гости живо смекнули, что толку после этого с их «поводка» будет не много, и не позволили. Взяли они с собой небольшой бочонок, еды какой-то – благо, по дурости проводника денег у них много оставалось, – и тут же прям и вышли в путь.

Уходили они в ночь, никого уже на улицах не было. И дождь накрапывал всё сильнее и сильнее. Трактирщик, выпроводив этих последних гостей, вздохнул с облегчением. В его трактире они чаще всего ошивались, и тут вдруг такое счастье!

Ушли гости дорогие! На радостях он хотел сам вином угоститься, но по ошибке схватил кувшин с водой, и – себе в кружку.

Глотнул, скривился... нахмурился...

Трактирщик, у которого под рукой вода припасена, вино разбавлять, – это плохо, за это и побить крепко могут. Так что трактирщик вначале смутился, а затем разозлился – на себя, растяпу криворукую, на помогавшую ему дочку, что кувшин с водой на виду оставила, а пуще всего на гостей этих недобрых, и на деда дурного заодно. Разозлился, да и выплеснул воду из кружки на улицу, прямо вслед уходящей тройце. Ещё и ругнулся как-то вполголоса. А дедок кагоарский, несмотря на возраст, расслышал, хотя и не разобрал, что именно ему вслед сказали – думал, лёгкой дороги пожелали. Он обернулся, поклонился в пояс и с улыбочкой так из темноты: «Спасибо, мил человек, ещё увидимся...»

Забегая вперёд, хочу сказать, что никто более тех двух приезжих не встречал никогда. Но вы хорошенько запомните, что с этого-то момента самые загадки и начинаются. Вот именно с серебряной монетки, взятой в уплату с гостей, с дождя, который в ночь зарядил, да с выплеснутой вслед уходящему деду кружки воды. Жуткие загадки, необъяснимые, из той поры аж тянущиеся и до нынешних времён.

В следующий раз объявился дедок тот в городе только через год. Думали все, что и не увидят его больше. Да и не особо думали-то, честно говоря. Даже подзабыть стали; чай, не Принц или Магистр, чтобы ещё помнить его.

Дело было днём, трактирщик – тот самый, кстати, что когда-то воды вслед деду плеснул, – только ещё двери отпирал. Глядь – дед, хрен ему в обед!.. Деловой такой, серьёзный, с мешком за плечами, судя по виду, тяжёлым. Потребовал кружку вина, расплатился медяками и объявил, что вот сейчас он в Кагоар за внуком направляется, а на обратном пути снова сюда наведается. И велел к вечеру приготовить еды разной: мяса, лепёшек, пирогов там, вина хорошего. Потому как он теперь «поводок», его голодные люди дожидаются, и на нём теперь большая ответственность за них лежит. И молока обязательно ещё надо, потому как внучок болеет, лечить его требуется. И чтобы к вечеру всё было готово, что обернётся он скоренько – до Кагоара только, и назад.

Если кто тут не местный, то я поясню, что от Касиора до Кагоара дня за два доскакать можно, если, конечно, конь хороший... Ну, одним словом, трактирщик этими распоряжениями особо озабочиваться не стал; покивал, хлоплопал деду вслед глазами, сплунул да вина выпил. Тем более, что в ту пору у самого трактирщика зять с лошади неудачно упал, расшибся сильно – уже недели две не оклемается никак. И дочка при нём неотлучно сидит. Так что заниматься посетителями трактирщику пока приходилось одному, без помощника. И о дедке полоумном он мигом и думать забыл, а вспомнил его только поздно вечером, перед самым закрытием заведения.

День тот выдался хлопотный, отчего-то вдруг две драки случилось вместо одной. А третьей хозяин ждать уж не стал, вооружился дубиной, да и выгнал буянов в ночь, под дождичек – освежиться. Несколько торчавших за столами зевак, видя, что представление отменяется, сами к дверям потянулись. Трактирщик проводил их взглядом, вышел на улицу фонарь перед входом погасить и только задул его, как из темноты старческое дребезжание:

– А вот и я!..

Трактирщик от этого оклика вздрогнул. Он сегодня и без того уж на нервах был, а тут – этот ещё!

После яркого фонаря в глазах трактирщика плавали разноцветные круги, и в темноте улицы он не очень-то разобрался, кто это там дребезжит. Дождь сыпал мелкий, и капельки его посверкивали в слабом свете из открытой двери такой серебрящейся пылью, скрывающей окружающее. И сквозь эту сверкающую кутерьму с трудом угадывалась в темноте человеческая фигура. И тихо ещё вокруг было. Лишь

шорох дождя по крыше да хрипловатое дыхание самого трактирщика.

– Это кто это тут? – недовольно буркнул трактирщик. И он почему-то вдруг пожалел, что дубину свою под стойкой оставил.

– Это я это тут! – в тон ему и с нескрываемой гордостью ответили из дождливой ночи, и на свет выступил старый знакомый. – Я это, поводак. С внучком я. А ты всё ль приготовил?

Трактирщик присмотрелся. И правда, за спиной старика темнел ещё один силуэт; словно ночь в этом месте сделалась чернее и глубже, и казалось даже, будто дождевые капли каким-то чудесным образом облетают этот сгусток тьмы стороной, не касаясь его. Ростом спутник старика был невысокого, худенький такой, и правда, незрелого мальчишку напоминал. Но ни рук, ни ног, ни – тем более – лица его было не разглядеть. Стоял он чуть в отдалении, возле самого угла дома, что напротив трактира; из-за угла того как раз ветерком холодным потянуло... и не холодным даже, а почти что ледяным. Трактирщику на миг показалось, что это от мальчонки холодом веет, затхлой подвальной сыростью какой-то. Но такого, конечно же, быть не могло; это был всего лишь ветер, волна сырого воздуха – трактирщик видел, как сдувает его дождевые капли с фонарного стекла, как зябко поджимает плечи от её дунения припёршийся старик. И чудилось даже, что тёмная и едва различимая в ночи фигура его спутника от ветра того слегка покачивается над землёй, как будто и не человек там стоит, а висит на шесте чей-то промокший плащ.

И вот не понятно даже от чего, а только почувствовал вдруг хозяин трактира никогда ранее не свойственную ему робость. Только этим и можно было объяснить, что он широко и глупо улыбнулся и пригласил ночных гостей в дом, и даже слегка поклонился им вроде бы при этом. Старик с готовностью перешагнул порог, а в сторону спутника своего только рукой махнул.

– Пускай, – говорит, – внучок за дверью обождёт. Нечего ему сюда грязи таскать. Тем более, что и помер он давно уж, не простудится.

Хозяин решил, что ослышался, но переспрашивать не стал. Он, как я говорил уже, оробел по неясной причине. А дедок – тот нет! Впёрся в трактир, как к себе домой, протопал напрямик к стойке и мешок свой на пол возле неё – бух!

– Ну, хозяин, готово ли всё? – спрашивает.

Трактирщик неясно с чего оробел ещё пуще и принялся мямлить что-то про деньги, что задатку оставлено не было, что цены день ото дня растут. Но дедок оборвал его и укоризненно этак говорит:

– Да разве ж у нас денег нет? Мы ж не бродяги какие-то; мы ж сюда прямо из Пустынной Долины пришли! Это такая долина, ах, какая долина! – в восхищении зацокал языком дед. – И озеро там, и земля! И места всем хватит! Так что, хозяин, ты уж давай поспешай. А за деньги не тревожься, на вот тебе... – и с этими словами нагнулся дедок к своему мешку, покопался там и выудил два золотых самородка, каждый с кулак размером. И – хлоп их, прямо на стойку перед ошалевшим трактирщиком. Потом опять к мешку нагнулся, распрямился и ещё два таких же самородка на стойку грохнул. Потом ещё два да ещё...

Надо сказать, что от каждого глухого удара золота по стойке хозяин сильно вздрагивал, и исполненные удивления и страха глаза его делались всё больше и больше, так что, если бы старик не прекратил, они и вовсе бы на лице перестали помещаться.

– Хватит этого? – спрашивает дедок. – Или ещё надо?

И вот тут-то нашего трактирщика и прорвало. Он после и сам не мог понять, с чего это его вдруг так на откровенность потянуло. Золото – оно этому, конечно, способствует, но вот чтобы всё накопившееся в душе вывалить рядом с этим же золотом на трактирную стойку, да ещё перед каким-то стариком, которого вся округа давно уже за полудурка держит... Но после вопроса деда трактирщик схватил со стойки кув-

шин вина и, не прерываясь, весь его вылакал; вот прямо взял так, да и залил его в себя, только что не закусил кувшином этим. А потом перевёл дух и начал говорить. И говорил очень долго, будто выпитое вино обратно из него словами пошло.

Начал он с того, что еды никакой и правда нет, разве что в подвале колбаса да окорок небольшой остались. И вина очень мало, бочонка он дать не сможет, пару фляг только. Лепёшек, правда, в достатке, но это только потому, что дочь их сама печёт, а за мясом, птицею, вином и крупами обычно зять ездил, но он уже вторую неделю с постели не встаёт, вот и придётся поутру трактирщику самому за припасами отправляться и заведение на день-другой закрывать. Потому что не на дочку же трактир оставлять, когда та с мужем своим неотлучно сидит. Так что пусть уж старик не сердает, но потчевать его особо нечем.

Трактирщик после признался, что пока он это всё говорил, в голове неотступно зудела мысль, что если вот сейчас подхватить из-под стойки дубину да наотмашь дать деду по уху... Много ли ему, старому, надо-то? Одного удара хватит. А потом – в бочку из-под вина его, их сейчас много стоит пустых в подвале. А золотишка в мешке, должно быть, немало – вон как дед им разбрасывается. А спросит кто, то я и знать ничего не знаю. Какое золото?! Какой дед?! Не знаю я никаких дедов-золотов! Да и не хватятся его, кому он нужен-то? И не видел никто, как старик в трактир ходил... разве что этот его внук, что за дверью сейчас торчит, под дождём... Но мальца-то двумя пальцами придавить можно, это вообще не забота никакая...

Едва трактирщик о внучке вспомнил, как почудилось ему, будто тот прямо через стенку за всем наблюдает. Словно внимательный и пристальный взгляд его ледяным потоком проникает сквозь каменную кладку. И показалось вдруг, что холоднее вокруг стало, как будто сырой заоконный воздух заполнил помещение трактира. Хозяин, до этого говоривший без умолку (чтобы заглушить мысль о дубине, золоте и пустой бочке для старика), запнулся и зябко повёл плечами. Холод проникал ему в самую грудь, стискивая ледяными пальцами сердце, пробуя его на ощупь: а что, если сжать посильнее?.. И показалось даже, что огонь в лампах как-то уменьшился, сник и потускнел, а тени по углам помещения и под столами сделались гуще, мрачнее, подобно открывшимся вдруг провалам в чёрную бездонную пропасть, где что-то хищное лениво ворочалось во сне.

Никогда ничего трактирщик не боялся. Он и в одиночку на пятерых грабителей выходил, и верх одерживал. Да и сам по малолетству да глупости на дорогах в Криарском лесу прохаживая порой беспокоил. А сейчас он уже не просто сробел или там смутился – страх, самый настоящий страх охватил его. Будто и в самом деле уже видел он пронзительный взгляд внучка дедового, будто веками своими ощущал исходящий от него колючий холод, вымораживающий и лицо, и сами мысли даже. И настоящий, живо и по-глупому радостный взгляд старика у стойки от чего-то делал струящуюся сквозь стену мерзлоту более неприятной, более опасной – смертельно опасной. Словно кто в костёр охапку сухого хвороста подбросил. Только вот костёр тот не грел, нет – мёртвой стужей от него веяло.

– Нечем мне тебя угостить, – выдохнул трактирщик, отодвигая ладонями дальше от себя золотые самородки и с содроганием наблюдая за вылетающим при этих словах изо рта его паром.

– Да есть же! Есть! – весело возразил дедок, подталкивая золото обратно. – Окорок давай неси, лепёшек давай и вина тоже, сколько не жалко! И хватит! А то мне всё равно много не унести, а с внучка и вовсе помощник никакой – помер он у меня давно.

«Помер!..» – гулко отдалось в голове трактирщика, и ясно уже было, что не ослышался он и не померещилось ему; и ещё сильнее сжалось сердце, будто словами этими вогнал дедок в него толстую ледяную иглу. И от иглы этой воздух вокруг будто бы наполнился холодным и влажным туманом, пронизанным едва слышным

звоном хрустальных колокольчиков. Никакого тумана и звона на самом деле, конечно, не было; загляни в трактир посторонний кто – ничего бы и не заметил. Но сам трактирщик дальше словно плывал уже в этом тумане, не очень хорошо различая окружающее, едва слыша звуки сквозь повисший в ушах и набирающий силу звон и не очень даже понимая, что он сейчас делает.

Он после с трудом мог припомнить, как очутился в погребу да как окорок с крюка снял; как упихивал его в мешок да как совал в другой лепёшки; как фляги наполнял вином – хорошим, неразбавленным, для себя припасённым. А в руках всё время деревянный ящичек мешался, куда трактирщик выручку складывал, и где теперь восемь золотых самородков в два ряда лежали, что аж крышка не опускалась. И ещё всё время боялся трактирщик, что дед про молоко вспомнит – ведь хотел же он прежде молока-то. Но потом сообразил трактирщик, что молоко дед хотел для внука, который в ту пору болел, а если внук сейчас помер, то и не надо уже молока ему. И от этой догадки на миг легче стало трактирщику, на один короткий миг – пока не вспомнил он, что умерший внук-то здесь, рядом, за стеною, на улице, под дождём стоит и наблюдает.

А дедок всё благодарит да кланяется. Но каждый раз, как он взгляд на трактирщика поднимает, мелькает в глазах его что-то такое, что так просто и не объяснишь даже. Ну, как будто жалеет он трактирщика почему-то, сочувствует ему вроде бы и хотел бы даже помочь, но что-то останавливает – то ли скромность, то ли боязнь настырным показаться, то ли... то ли торчавший на улице внучок...

И только когда старик все припасы на себя нагрузил, в последний раз поблагодарил поклоном и развернулся к дверям, что-то он, видать, решил для себя. Потому как замер на месте, глянул через плечо и тихо так спрашивает:

– Зять-то сильно ль болеет?

И по тому, как он это спросил и какие глаза у него при этом были, ясно делалось, что ответ ему хорошо известен. И трактирщик это тоже понял, потому лишь вздохнул глубоко да рукой махнул. И вот, между прочим, как только дед о зяте больном речь повёл, так туман загадочный мигом вокруг трактирщика растаял, звон тоскливый в ушах исчез, а ледяную иглу из сердца его словно вынули. Так что каждое следующее слово он слышал очень отчётливо и накрепко всё запомнил, даже взгляд старика и голос его.

– Внучок-то мой тоже болел сильно, – печально продолжал дед. – Болел-болел, а потом и помер. И зять твой обязательно помрёт. Долго болеть будет, очень долго, но всё одно помрёт. Так ты... это... помнишь же, как я отсюда в прошлый раз с теми двумя уходил? – дед снова вернулся к стойке и, понизив голос до шёпота, повторил: – Помнишь?

– Ну? – так же шёпотом ответил трактирщик. Он вдруг очень ясно вспомнил ту ночь, и как два исчезнувших путешественника вместе с дедом этим исчезали в дождливой тьме, и как он сам вместо вина воды хлебнул, а затем выплеснул её вслед...

– Вот-вот! – страстно зашептал дедок, хватая трактирщика за руку. – Вот-вот! Водой и плесни! Только дождливой ночи дождись. И рядом с хворым непременно будь, в одной комнате. А в кружку-то прежде монетку серебряную опусти и водицу прямо с ней и выплесни. Да и позови меня-то, чтобы я знал, что нужен, а не что это балуется кто-то. А я уж приду и уведу его с собой. Я же поводак, я это умею. Внучка, правда, увести не успел; видишь, какой он теперь? Но ничего, помогает мне чуток. А зять твоего, если меня вовремя позовёшь, уведу, да. Ему там хорошо будет, чего ему тут страдать-то? И самому страдать, и других мучить... Только позови меня, а дальше я уж сам...

– Позвать?.. – то ли еле слышно прошептал, то ли просто шевельнул губами трактирщик. Он уже не понимал, говорит ли он вообще или это дед-поводак мысли его читает.

– Позови, ага, – кивнул старик. – Вот прям так и позови: «Поводок, приходи – хворого уведи!» И водицей плеснуть не забудь, – закончил дед. – Ага?

– Ага... – выдавил из себя трактирщик.

Ему сейчас мечталось лишь об одном: чтобы ушёл поскорее отсюда поводок этот; и сам ушёл, и внука своего пугающего увёл, подальше куда-нибудь.

– Ну, и славно! – хлопнул ладонью по стойке дед. – Мы тогда пойдём, путь-то неблизкий.

С этими словами он поправил на плече мешки с едой, перехватил поудобнее фляги с вином и затопал к дверям. Трактирщик с замиранием сердца смотрел деду вслед. Ему казалось, что едва тот переступит порог, как случится нечто ужасное. Например, заглянет сюда с улицы внучок его, пронзит ледяным взглядом и... и скажет... что-нибудь...

Но ничего подобного не случилось, никаких таких страхов. Люди вообще любят себе всякие небылицы ужасные воображать, хотя настоящая жизнь-то – она ведь намного страшнее. А дедок просто вышел под дождь, да и побрёл себе по улице. И как-то так неуловимо – трактирщик даже и заметить не успел – к нему присоединился второй тёмный силуэт, пониже да пощуплее. И когда они уже за угол сворачивали, показалось вдруг, что внучок бросил на трактирщика один быстрый взгляд, прежде чем из виду скрыться. Такой взгляд, что и врагу увидеть не пожелаешь, даже во сне. Словно два прокола, два отверстия в чёрном бархате, за которым бескрайний и безжизненный свет царит. И ещё было во взгляде этом какое-то нехорошее обещание новой встречи и желание запомнить трактирщика, чтобы при случае узнать. Но за это всё трактирщик не поручился бы: тут как раз лампы в помещении вспыхнули с прежней силой, залив всё вокруг привычным желтоватым теплом. А когда глаза к свету привыкли, то парочки странной этой уже и след простыл.

Трактирщик, понятное дело, перво-наперво ящичка своего хватился. Не, ну, а мало ли чего? Вдруг золотишко вместе со всеми этим чудесами сгнуло? Ан нет! Лежит себе, посверкивает... Потом он сообразил, что время уже позднее, народишко по городу разный шляется, а тут – дверь нараспашку, ящик с золотом... одним словом: грабь – не хочу! Поэтому трактирщик, непрерывно озираясь, торопливо хлопнул дверь и наложил оба засова. Ставни он закрывал ещё, как стемнело, но сейчас на всякий случай опять проверил каждую из них. То же и с дверью из кухни во двор, к колодцу – она была заперта с вечера, но трактирщик всё равно сбежал и потрогал щеколду, и даже подёргал за ручку. Затем он вооружился своей верной дубиной и только тогда вздохнул с облегчением.

И тут же до слуха его донёсся звук шагов – кто-то, медленно и мягко ступая по дощатому полу верхнего этажа, приближался к лестнице. Тихие такие шаги, неспешные, как будто бы устал человек... Не знай трактирщик всех звуков этого старого дома, то и не заметил бы, а заметил бы – внимания не обратил. В своём доме все звуки привычны. И если кто-то по верхнему этажу крадёт, то сразу же слышишь. Звук хоть и хорошо знакомый, но откуда бы ему там, наверху, взяться-то?! Постояльцев сейчас нет, все комнаты заперты, ставни на окнах наглухо закрыты. В той комнате, где дочка за мужем ухаживает, окно на улицу выходит – высоко, не долезть. К тому же и закрыто оно всегда в последнее время – от сквозняка больному с чего-то хуже делалось. Да и не пробраться через то окно: там, в комнате, дочка с зятем... ну, если они ещё живы, конечно... если их не...

Трактирщик почувствовал, как к горлу его подкатил комок, а лоб покрылся капельками холодного пота. И мгновенно вспомнил он, что в его-то комнате, где сам он живёт, окно выходит во двор. И возле окна торчит засохшее дерево... а ворота во двор никогда не закрываются... и выходят они в узкий тёмный переулок, образованный двумя глухими стенами соседних домов... да и само окно – закрывал ли он его вообще?..

Трактирщик, ступая на цыпочках, в два широких шага приблизился к лестнице; ни одна половица при этом не скрипнула – свой-то дом хорошо знает. Перехватив поудобнее дубину, он замер в ожидании.

Скрипнула ступенька лестницы, еле заметно дрогнули перила...

Трактирщик чуть согнул ноги в коленях, медленно занёс дубину для удара...

– Папа?..

– Тыфу ты... – с облегчением вздохнул трактирщик, опуская своё оружие.

Дочь удивлённо посмотрела на дубину в руках отца, рассеянно скользнула взглядом по пустому трактиру.

– Ему сегодня хуже стало, – еле слышно произнесла она. – Весь день маялся, стонал... только-только заснул...

– Ничего, – успокоил её трактирщик, пряча дубину под стойку. – Завтра же лекаря пригласим.

– Так звали же уже, – бесцветным голосом сказала дочь.

– Теперь мы настоящего позовём, – пообещал трактирщик. – Самого лучшего, из Лаоэрта выпишу; того, что Принца лечит!..

И не соврал ведь, правда выписал, из Лаоэрта. Ну, ясно, не принцевого, но тоже очень знающего, дорогого. Настолько дорогого, что его приезд, десятидневное проживание в трактире, осмотр, лечение и лекарства, как корова языком, слизнули аж два золотых самородка из восьми. Больному вначале полегчало, а потом даже и хуже сделалось: еле дышит, не узнаёт уже никого, даже жену чужим именем называет (очень это её огорчало), не ест ничего, разве что бульону немного похлебаёт, если в сознании. Ну, лекарь руками развёл, объявил, что сделать ничего нельзя, и кто помереть должен, тот непременно и помрёт, лекарства тут бессильны. С тем и уехал.

Дочка от новости такой прорыдала до ночи. А трактирщик заведение пораньше закрыл, повыгонял всех, да и засел с кувшином вина едва ли не до утра. Во-первых, сам расстроился тоже очень, а во-вторых, и спать идти не хотелось. И как тут уснёшь-то? Эта – ревьёт в три ручья; этот – стонет, как под пытками... И неудивительно, что в последнее время постояльцы дольше ночи не задерживались – поди усни тут, под такую музыку. Днём-то, когда внизу шум, стук кружек да игральные кости, ещё ничего. А вот по ночам...

Комнат под сдачу в трактире было всего четыре, но и те сейчас пустовали. Видать, слух уже по городу прошёл, что зять хозяина болеет очень. И поди знай, чем он там болеет. То ли и правда с лошади упал, да спину и внутренности себе отбил, то ли стонет от какой-то заразной хвори. Нет уж, лучше мы в какой другой трактир подадимся...

И чем дальше об этом трактирщик думал, тем тяжелее на душе его становилось. И решил он тогда другого лекаря искать. Если уж лаоэртский не сумел помочь, то, может, кагоарский сумеет?

И в Кагоар-то он утром и отправился. И нашёл лекаря, хорошего опять, и тоже не дешёвого. А между делом вспомнил он про того дедка-поводка и начал интересоваться, а был ли такой вообще. И представьте себе, разузнал-таки! В портовых городах чего только не разузнаешь, были бы уши.

Дед такой, получалось, был, и даже очень. Лавку тут держал, торговал неплохо, дом свой имел. Жену давно уж схоронил, а жил с ним в доме сын с семьёй, который ему и в лавке помогал. И внук у него на самом деле был. Но случился как-то в доме пожар, сгубивший и сына, и жену его. Внук-то выжил, но обгорел сильно. А сам дед не пострадал – не было его в ту ночь в доме, но после пожара что-то в башке у него повредилось. Говорят, что это, вроде бы, потому, что сам дед уходя свечу забыл погасить, оттого и загорелось. И вроде бы даже это он сам кому-то рассказывал. Но так ли это на самом деле было, никто не знал.

Внук промаялся дней пять, да и тоже помер, вслед за родителями. А дед всё не

верил, всё приходил к дому, где тот под присмотром няньки лежал, разговаривал с запертой дверью, обещал хорошего лекаря найти... ну, это всё трактирщику понятно было. Но вот где этот дед сейчас?

А кто ж его знает, где? Давно уже пропал, старый. Говорят, на юг куда-то подался, то ли в Касиор, то ли ещё куда... А, так ведь ты, трактирщик, касиорский же! Может, и видел его там, раз всех вопросами пытаешь? А если видел, то зачем пытаешь тогда? Что-то нечисто тут, шёл бы ты отсюда, мужик, своей дорогой...

Ну, вот так примерно и закончились все расспросы трактирщика. Он на всякий случай и на кладбище побывал, на могилу внука того посмотреть хотел. Сторож кладбищенский охотно ему показал, за пару медяков всего. Могила как могила; ни камня, ни таблички даже – торчит из земли палка, и всё. На кладбище вообще таких палок много торчало, целый лес прям; бедняки-то чаще мрут.

Трактирщик удивился даже, отчего сторож уверен, что это именно та самая могила. Но тот с большим удовольствием разъяснил, что как раз эту вот могилу запомнить было не трудно, потому как воры разрыли её зачем-то. Чего они там, в бедняцкой могиле-то, искали – неясно. Но для чего-то тело покойного с собой унесли, могила пустая оказалась. Может, воры это всё даже не из корысти сотворили, а по глупости и крайнему своему малолетству; следы, по крайней мере, одного из них были детскими – когда тело вытащили, он из могилки выбирался, да и оставил в мягкой разрытой земле отпечатки своих ладоней. Некрупные, можно даже сказать, детские совсем. Не больше, чем, например, у того же покойного были. Ну, а яму пустую сторож после камнями завалил, да землёй закидал, чтобы вопросов не было. Так что могилу эту он хорошо запомнил, можно и не сомневаться – она это и есть. А больше сторож ничего рассказать об этом не может... С тем трактирщик домой и поехал, прихватив, понятное дело, с собой нового лекаря.

Столичные лекари от лекарей портовых отличаются сильно, это вам любой подтвердит. Особенно отличаются они ценою за услуги и стоимостью своих снадобий. И хотя Кагоар наш – тоже столица, но это, что бы сейчас ни говорили, столица, во-первых, закриарская, а во-вторых, бывшая, ещё до присоединения Закриарья к Межгорью. Поэтому и с лекарями там поскромнее. Но на здоровье больных это не обязательно сказывается хорошо. Я это всё не к тому говорю, что лекаря совсем лечить не могут, но вот сейчас был как раз такой случай. Так что и этот лекарь через шесть дней отбыл восвояси.

Видя горе дочери, трактирщик на этом не остановился и начал приглашать других лекарей. Впрочем, как ни прискорбно, с тем же самым результатом. Один, второй, третий – всё без толку!

Хорошо бы, конечно, к колдуну какому обратиться, да где ж его тогда было взять, колдуна этого. Трактирщик разок попытался намекнуть одному из посетителей, что, дескать, от лекарей нынче толку нет, хорошо бы, вот, колдуна какого найти. Посетитель вроде бы и не понял намёка, а то и вовсе не расслышал, но на следующий же день объявились в трактире трое каких-то подозрительных личностей. Пришли порознь, словно бы не знакомые. Двое расселись по разным углам и заказали себе по кружке вина, а третий – сразу к стойке, и ну тоже разными там намёками сыпать, из которых получалось, что он тайный колдун и что любую хворь изгнать может.

Догадаться, кто они такие, несложно было. Тем более, что один из них позавыл снять перстень рыцаря Ордена Следящих. Поэтому трактирщик, недолго думая, вмазал от всей души кулаком в лоб этому «колдуну», да и выкинул его за дверь. Ну, а остальные двое посидели немного для виду и сами ушли, разочарованные очень.

Правда, трактирщик вначале немного пожалел, что не сдержался – могли и забрать за нападение на Орден. А штраф платить ему очень уж не хотелось. И без того расходы на лекарей изрядно опустошили ящик с золотом, и половины в нём уже не оставалось.

Не сказать, чтобы трактирщику денег жалко было – ну, не так, чтобы очень, – но всё чаще и чаще посещала его мысль о бесполезности траты их. Пользы от лекарств никакой, сколько им ни плати. Да ещё едва ли не каждый из них на вопрос, долго ли больной протянет, пожимал плечами – может, год, может, и пять...

Пять лет!

Ждать пять лет! И не выздоровления, а неизбежного конца, с которым и сам он, и дочка уже смирились. Зять сейчас и на человека не похож – лежит, посерел весь, кожа сухая череп обтягивает, кости сквозь одежду проступают. И дочка тоже похудела вся, глаза запали, губы неживые совсем, на старуху похожа стала... Это сейчас, а через пять лет?.. Такой ли доли он для дочери своей желал?..

Совесть? Ну, не знаю, может, и переживал он, конечно. Зять-то неплохим человеком был. И компанию мог составить, если вина выпить или кости покидать на небольшие ставочки. И жену свою любил, вроде бы. Ну, что не бил и ругал редко – это точно. Может, и было трактирщику перед зятем совестно – сказать не могу. Но вот что совестно ему было перед дочерью, и что её он любил и жалел пуще кого другого – сомнений нет.

Ну, одним словом, как-то раз (в который уж раз) снова напился трактирщик. И как-то особенно угрюмо так... Да и то сказать: дела в трактире шли плохо, посетитель или там постояльцев почти что и не было.

И вот сидит трактирщик, пьёт вино кружку за кружкой и всё сильнее жалеет о том, что нет такого закона, чтобы безнадежному больному страдания облегчить – нельзя, повесят. Да хоть бы даже и просто повесили, так ведь ещё и имущество отберут; дочка тогда с чем останется? И не докажешь никому правоты своей, не убедишь никого, что дочку мужнина хворь тоже медленно убивает. Муж-то её хоть и больной, а всё ж человек; кто его знает, вдруг бы он выздоровел?.. лет через двадцать...

Мрачнее тучи сидел за столом трактирщик, вино глотал, не замечая вкуса. И мерещилось ему, что не один он уже в пустом зале. Вокруг, словно тени, сновали виденные когда-то люди. Смотрели на него, сочувствовали, говорили что-то. Вот за столом в дальнем углу сидели, укутавшись в драные плащи и низко надвинув шляпы, двое студентов-путешественников, и говорили о чём-то вполголоса, опасно поглядывая по сторонам – не разобрать, о чём говорили, только слова «Сиуз», «пещера», да «магия» угадывались порой в их приглушённой беседе. Вот промелькнул в другом углу столычный лекар со своим сундучком, набитым так и не помоглими больному снадобьями. Вот кладбищенский сторож присел, согнувшись, на лавку и повёл неведомые разговоры о ничьих покойниках, которых то ли из могил воруют, то ли сами они выкапываются и уходят. Вот возник в запертых на два засова дверях незнакомец в тёмно-синем плаще Ордена Следящих с нашивками старшего рыцаря, и в руках его медленно разворачивался лист серой бумаги, где ярко-алыми буквами выведено было: «Обвиняется в колдовстве...» Вот из самого тёмного угла, откуда-то из-под лавки, холодно блеснули глаза таинственного внука, и костлявая бурая ручонка вытянулась вперёд и царапнула доски пола. А вот и дедушка его, дедок-поводок... поводок, приходи... приходи...

Но трактирщик догадывался, что поводок не придёт, потому что что-то не так он – трактирщик – делает. Не так делает, не так говорит... не так надо, надо по-другому...

И сразу же он вспомнил, как надо, сразу же всплыли в памяти эти глупые слова. Казалось бы, что забыты они навсегда, как бесполезный мусор, но вот вспомнились, и не избавиться уже от них, не забыть снова, никогда. Будто кто-то неведомый – может, дедок-поводок – внятно и настойчиво шептал их в самые уши.

Но одних этих слов мало. Недостаточно позвать поводка, ему нужно ещё и заплатить – не много, одной серебряной монетки хватит...

Ледяной взгляд внука пронзал насквозь, словно бы напоминая о чём-то важном, о чём-то позабытом. А костлявая ручонка скребла и постукивала по полу всё отчётливее, всё слышнее и явственнее. Ладонка, словно жуткий паук, медленно, но верно двигалась, подбираясь к трактирщику; рука вытягивалась, переламывалась, на ней появлялись новые суставы, а пальцы становились всё длиннее и длиннее...

Но от неожиданного оглушительного грохота задрожала и рассыпалась картинка. И не стало ни кладбищенского сторожа, ни рыцаря Ордена, ни даже деда-поводка. Трактирщик протёр глаза и огляделся по сторонам. Он был один. Или нет?..

Обмирая от ужаса, он вдруг понял, что постукивания костяных пальцев по полу ему не причудились. Сейчас, окончательно уже проснувшись, он продолжал слышать их – словно клювики маленьких птичек вразнобой выбивали бессвязную дробь.

Трактирщик боялся заглянуть под лавку, где примерещился ему ледяной взгляд поводкового внука. Но этого и не нужно было, потому что страшный и тихий звук доносился не из-под лавки – он раздавался со всех сторон, заливал всё помещение. И казалось, что от стука этого ёжится и меркнет пламя свечи, и воздух вокруг наполняется смертельно ледяным холодом. А потом раздался грохот. Будто над головой разом переломили десяток толстенных деревьев.

Нервы трактирщика не выдержали. Опрокидывая лавку, он вскочил на ноги и заорал во всю глотку.

Звук собственного крика окончательно привёл его в чувство. Он понял, что это просто грохочет гром на улице. Это был уже второй удар – от первого он проснулся. И нет рядом никакого умершего и выкопанного из могилы внука; это капли дождя, а не мёртвые пальцы, выстукивают по ставням.

Трактирщик глубоко вздохнул, поднял и поставил на место лавку, сел на неё и вылил себе в кружку остатки вина из кувшина. Вкуса он не почувствовал. В голове вертелась единственная мысль: «И дождь как раз...»

Трактирщик вдруг совершенно успокоился. Неспеша допив вино, он выбрался из-за стола и, прихватив свечу, направился к стойке. Все движения его были медлительны, словно он мысленно прокручивал в голове каждое из них, словно он боялся ошибиться и сделать что-то не так. Взяв со стойки одну из кружек, он наполнил её на две трети водой из стоявшего здесь же кувшина. Затем нагнулся, вытащил из-под стойки кожаный кошелек и высыпал перед собой его содержимое. Потемневшие медные монеты запрыгали по отполированной доске; лишь одна серебряная бледной искоркой сверкнула меж них – давно уже доходы заведения оставляли желать лучшего. Трактирщик прихлопнул серебряную монетку ладонью, осторожно, словно та могла растаять от тепла рук, двумя пальцами взял её и опустил в кружку с водой. Серебряный кругляшок негромко стукнул о глиняное дно.

– И дождь как раз... – еле слышно выдохнул трактирщик бившуюся в мозгу мысль и вытер ладонью со лба внезапно выступивший пот.

В доме стояла полная тишина. Ну, вы знаете, всегда ведь какие-то звуки вокруг: то половица скрипнет, то шорох какой-то в углу, то треснет огоньком свеча, то мышка пискнет. А тут – ни звука. Лишь шум дождя сквозь ставни доносится, да по черепичной крыше капли мягко так барабанят. Замер дом, словно насторожился, ожидая чего-то. И даже, казалось, дыхания самого трактирщика не слышать, и шагов его тоже. Что-то неведомое и невидимое, густое, вязкое и – голодное; оно поглотило все звуки и сейчас жадно слизывало со стола последние крошки, готовясь приняться за главное блюдо... А может, это сам трактирщик старался ступать как можно осторожно и бесшумнее, словно прокрадывшийся вор.

Перед дверью в комнату дочери и зятя он ненадолго замер, будто набираясь решимости. В правой руке – кружка с водой, в левой – свеча. И ни звука вокруг, ни шороха. Он осторожно толкнул локтем дверь и мимоходом отметил, что та даже не скрипнула; плавно так отворилась, как по воздуху пошла. А из комнаты сразу бо-

лезнью дыхнуло, нездоровым таким, слегка кисловатым запахом, что всегда после покойника ещё на день-другой остаётся. Тут, правда, покойника-то как бы нет... пока ещё... но запах уже обживает, устраивается поудобнее, знает, что недолго ему гостить, вот и спешит.

Зять лежал на койке, укрытый до подбородка тонким шерстяным одеялом. Трактирщик остановился посреди комнаты, разглядывая его и вспоминая, каким тот был, когда дочку за себя брал; сравнивал весёлое улыбочивое лицо, какое помнил, с тем, что видел сейчас – обтянутый кожей череп, серые тонкие губы, ввалившиеся глаза...

Что-то дрогнуло в душе трактирщика. Ведь какой парень был, а! Работящий, не злой, хозяйственный, на такого вполне можно б и трактир оставить. И дочка с ним счастлива была, детей заводит собирались...

Трактирщик перевёл взгляд на дремавшую у стола дочь, и в душе его ещё раз дрогнуло. Он всё так же медленно, но уже не испытывая сомнений, подошёл к окну и открыл его. В комнату сразу же хлынул поток сырого воздуха, и звуки дождя сделались не только громче, но и веселее, будто приветствуя старого знакомого, радуясь ему и долгожданной встрече.

Трактирщик глубоко вздохнул, торопливо прошептал нужные слова, что до сих пор продолжали молотом стучать у него в ушах, и быстрым (чтобы не передумать) движением выплеснул за окно воду из кружки. Серебряной рыбкой блеснула в воздухе монета. Трактирщик невольно прислушался, пытаясь уловить, как та звякнет о камни мостовой, но так ничего и не услышал. Он осторожно выглянул в окно. В свете от окна соседнего дома посверкивали лужицы, в которых мелкими коньками скакали дождевые капли, – где уж тут крошечную монетку разглядеть! Да может, и нет её там уже; может, подхватила её на лету стариковская рука поводка... или костлявая ладошка его внука...

Трактирщик закрыл окно и повернулся, чтобы уходить, но тут взгляд его встретился со взглядом зятя. Тот от чего-то проснулся и сейчас безо всякого выражения смотрел на своего тестя. И глаза у него были холодные, ничего не выражающие, равнодушные, словно две маленькие серебряные монетки, подобные той, что сгинула только что в дождливой темноте за окном. Трактирщик попятился, нащупывая рукою дверь за своей спиной. Ему показалось, что это поводковый внучок смотрит на него. И смотрит так, будто отлично знает, что трактирщик сейчас сделал и зачем.

Выйдя в коридор, трактирщик перевёл дух. Вообще же, всё это, конечно, глупости, подумал он. Плескай из окна водой, не плескай – никому от этого ничего не будет. Это надо было, вот как сегодня, большой кувшин вина в одиночку вылакать, чтобы в такую чушь поверить. Хорошо ещё, что никто не видел, каким он тут дураком себя выставляет...

С тем трактирщик и пошёл в свою комнату, почёсывая в затылке. Там он свечу задул и спать лёг. И проспал себе до самого восхода, как давно уже не спал – крепко и спокойно. И разбудил его только под утро плач дочери по умершему мужу.

Трактирщик был человеком рассудительным и понимал, что от выплеснутой за окно воды никто не помрёт. А если кто и помер, то просто время пришло, не век же человеку хворать. И все эти поводковые байки – пустая болтовня, не более. И простое совпадение, вот. Ну, примерно так трактирщик и думал.

Но где-то глубоко в душе таилось у него некое... сомнение, что ли?.. Это как если сами вы уверены, что, отъезжая надолго из дому, загасили печь, а какой-то баболок вдруг возьми, да и спроси: «А точно ли погасили?..» И начинаешь после этих его слов немножко так сомневаться; вроде бы уже и не себе даже веришь, а болтуну этому, чтоб ему покоя в жизни не знать.

Когда человек чем-то озабочен, он часто о том размышляет. А когда уже не очень и молод, то бывает, размышляет и вслух – подавая вино или принимая плату.

А посетители — они же не глухие; да ещё многим из них и занять себя нечем. Понятное дело, слухи по Касиору поползли. А закон-то у нас строг, если где можно конфисковать чего в пользу казны, непременно доищутся.

Одним словом, наведались к трактирщику и судейские, да. Забрали его, побеседовали пару дней — и с ним самим, и с дочерью его, и с врачами, что больного пользовали. Ну, всех-то быстро отпустили, в тот же день прям, а с трактирщиком более душевный разговор был. Но и от него через два дня отстали. Потому как совершенно ясно было, что никакого преступления закона тут нету, а человек сам помер. Долго болел и помер — бывает, что ж делать!.. А руку левую трактирщик быстро залечил, ничего, и памяти о беседах с судейскими не осталось.

Но слухи по городу всё равно ползли и даже делались всё красочнее, обрастали новыми выдуманными подробностями. И однажды случилось то, что и должно было случиться.

К трактирщику и так уже несколько раз подходили разные посетители — с наёмками, что, дескать, и они бы не прочь избавиться от кого-то так, чтобы и на виселицу не попасть, и в бега ударяться не пришлось. Намекали также, что и заплатить могут немало за секреты эти. Намекали, что и не узнает никто. Вообще такие вот умники очень хорошо намекать умели; и потому же сами они ответные наёмки трактирщика понимали без слов, по одному только выражению его лица. Так что бить никого из них и не приходилось даже. Но в этот раз дело оказалось такое, что невозможно было в ответ просто в лоб стукнуть. Потому как обратилась к трактирщику жена его старого приятеля.

Приятеля того сильно в драке покалечили. А если точнее сказать, то руки-ноги у него были целы, голова тоже, но вот внутри головы этой что-то от удара сильно пострадало. Соображать он перестал совсем, целыми днями (да и ночами тоже) сидит, в потолок глядя, да смеётся чему-то, одному ему видимому. Раньше он скот держал — трактирщик как раз у него мясом и запасался, а с болезнью всё это дело заглохло, скотину постепенно распродали: и самим жить надо, и врачам платить... Вообще как-то так случайно получается, что в этой истории у меня лекаря в накладе никогда не остаются... в жизни, впрочем, тоже...

Так... о чём это я?.. Ах, да!..

Ну, болел он тяжело и уже довольно долго, все силы и деньги на него уходили, и за скотиной следить времени вообще не оставалось. Попробуй, вот, накорми-ка здорового мужа с ложечки, когда тот беспрерывно хихикает. А ночью? Тишина в доме, только его смешки в ночи и слышны. Лежит жена в постели и невольно к ним прислушивается. А смешки всё тише, всё тише. И вдруг он как захохочет во всё горло, словно конь заржал. Невольно на кровати подскочишь, как шилом ткнутая. Где уж тут силы хозяйством заниматься после такого вот отдыха.

Это всё когда рассказываешь, оно, может быть, и забавно выглядит, а то и смешно даже. А вы попробуйте себя на её месте представить, когда такое с любимым человеком творится. Она ведь и правда любила его, мечтала всю жизнь прожить с ним — с тем, кто её за себя брал, а не с этим вот, хохочущим по ночам над чем-то болваном. Но и такого его она продолжала любить... или жалеть — и его жалеть, и себя, с обманутыми ожиданиями своими. Он ведь теперь даже и не смотрел на неё, один лишь потолок его интересовал: внимательно так взглядом по нему пройдёт, зацепится за что-то, и глаза его сразу радостными делаются, и — следит, следит, следит ведь за чем-то невидимым, будто таракан или жук какой по потолку носится. А ведь нет там ничего, совсем ничего, ни таракана, ни жука...

Приятель этот крепким человеком был, подкову в ладонях винтом свернуть мог. И надежды на то, что он вскорости сам помрёт, не было совершенно. Да какое там: «Сам помрёт»! При его силе он ещё и жену пережить сможет. Но какая это жизнь была бы? Кто бы о нём заботиться стал, не будь у него жены? Что бы с ним тогда

было? Даже и подумать тяжко.

Вот это всё жена приятеля трактирщику и выговорила, на одном дыхании. И закончила не просьбой даже слёзной о помощи, а молчанием и вопросительным взглядом, хотя в глазах её, конечно, слёзы стояли. И вот тут-то сердце трактирщика и дрогнуло. Глянул он на неё и глухо так проворчал:

– Ближе к ночи, как закроюсь, подходи – поговорим.

Сказал, и тут же себе – полную кружку. И – не отрываясь, до дна её, единым духом.

А поздним вечером, когда он засидевшихся гостей выпроваживал, смотрит – а на улице кто-то стоит. В самой тени, что отбрасывает вывеска соседней лавки, делая сумрак ещё глубже. И свет трактирного фонаря на него не падает, только силуэт едва-едва и виден; и нельзя даже сказать, что видно его – лишь угадывается в густой и плотной черноте что-то ещё более плотное и чёрное. И чернота эта напоминала ростом своим и щуплостью мальчонку лет десяти. Ну, одним словом, совсем, как тогда. Помните, нет? Трактирщик вначале струхнул слегка, но потом вспомнил, что сам же и наказал жене приятелевой прийти. Или не она это, всё-таки?..

Но тут женщина к нему из тени вышла, поклонилась слегка и робко глянула снизу вверх.

– Заходи, – буркнул трактирщик, гася фонарь.

Женщина просеменила в дом; трактирщик посмотрел ей вслед, а потом снова глянул на улицу, где она до того стояла. И показалось на миг трактирщику, что там, на углу, по-прежнему темнеет чья-то неведомая фигура. Ну, это уж точно примерещилось, подумал трактирщик, и побыстрее захлопнул дверь, пока и правда не сверкнул на него глазами этот примерещившийся...

Не знаю уж, всё ли он ей рассказал или только про воду с монетой; как выплёскивать, что говорить и так далее. То есть, рассказал ли он ей про поводка – неизвестно. Но, наверное, рассказал: дочка его после говорила, что они за столом до самого утра сидели. Да и узнали же как-то всю эту историю, раз она до меня дошла. Что же до прочего, то жена приятелева не только выслушала трактирщика, но и поверила, и запомнила. Потому как после первой же дождливой ночи муж её, болезный, в потолок хохотать перестал. Так и помер он с лёгкой усмешкой на губах. Вот только глаза у него сделались из прежних чёрных серебристо-белыми.

Сама же жена... то есть не жена уже, конечно, а вдова, но сути это не меняет... вдова, как и всякая порядочная и уважающая себя женщина, язык свой за зубами держать не умела, да и не особо-то старалась, честно говоря. И постепенно опять слухи по городу поползли. Причём такие странные и порою даже нелепые или вовсе уж глупые, что и не знаю даже, делиться ими или же нет – ещё чего доброго меня самого за вруна посчитаете.

Ну, например, выдумал кто-то, что будто бы, если вместо серебряной монеты золотую в кружку бросить, то поводок не только хворого заберёт, но и вместо него оставит кусок золота, точь-в-точь как покойник был. Глупости это, на полных дураков рассчитанные. Ведь поводок самого человека не забирал, это так просто говорят: «забрал», привыкли уже люди, вот и говорят. А больной умирал просто, вот и всё. Сам умирал, а не забирал его никто. И как же поводок тогда золото оставлять мог бы? С какой такой дури? За что? Какая ему с того выгода? Не-е-ет, серебряная монета нужна, никакая другая и не годится вовсе. С другой монетой ничего вообще и не случится, хоть ты золотую в кружку суй, хоть медную... А впрочем...

Жил ростовщик один, он от сотоварища своего, с которым они дела вместе вели, избавиться захотел. Не любил он его очень и не доверял ему почему-то. Вот и решился.

Сотоварищ как раз лихорадкой страдал. Необычная какая-то лихорадка, заморская. Наши лекаря справиться с ней не умели – они и с местными-то лихорад-

ками через раз справлялись, что уж тут о заморской говорить. Так что помереть у больного все шансы были. Но ростовщик всё же под вечер одного дождливого дня проведать его пришёл. И не знаю уж с какой такой бедности он в кружку с водой медную монету бросил. Не подействовало, конечно, что и говорить. Только вот угледел ростовщик той ночью за окном что-то такое, что сильно его напугало.

Ростовщика этого под утро лишь нашли. Так он у окна и стоял, вытаращив глаза в сереющее на востоке небо и впившись посиневшими пальцами в подоконник. Дрожащие губы его что-то неразборчиво шептали, а голова была седой – белее снега.

И в тот же день слёг ростовщик с самой тяжелейшей лихорадкой. С такой же, какая у его сотоварища была, только сильнее. Дней десять промаялся он, а после и помер совсем. И до самого последнего мига глаза его были устремлены на что-то пугающее, что-то такое страшное, что непонятно делалось: то ли от лихорадки холодный пот с него ручьями льёт, то ли от ужаса. Спрашивали, интересовались, что его так тревожит, но в ответ лишь: «Ничего, ничего, всё в порядке, скоро пройдёт...» Что в порядке? Что пройдёт? Неясно...

Сотоварищ же ростовщика чудесным образом вдруг выздоровел. Прямо в тот же самый день, когда ночной его посетитель в постель слёг. Выздоровел и стал уже один дела вести. Вот так-то вот.

Так что враньё это всё, будто серебряную монету другой заменить можно. Тут вам не рынок, чтобы торговаться; не свинью покупаешь.

Или вот ещё ввали, будто поводка можно к самому себе вызвать. Я не знаю даже, как уж и дураков-то таких назвать, что подобное всерьёз воспринимают. Сами повеситься не могут, что ли?! Да и дешевле, к тому же, на серебряник. Нет, не бывало такого никогда, даже по глупости или рассеянности не бывало. Хотя...

Слышал я об одной странной истории. Будто бы некая девица решила от мачехи избавиться. А та, кстати, расхворалась очень. Ну, падчерица и подсуетилась, тем более, что на её счастье осенью дело было, дожди через день. Всё сделала, как надо – и слова нужные верно произнесла, и монетку, и воду. Ничего не забыла, короче говоря. А кто бы и сомневался в том: её ж самой к утру не стало, падчерицы этой. Мачеха после уже рассказывала, что у девицы какая-то внутренняя болезнь была, неизлечимая очень. Кровью кашляла, грудными болями маялась. И всё равно она бы померла вскорости. Так что мачехина хворь послабее оказалась. И получается, что девица поводка вроде бы за себя попросила, вот оно как.

А что до самого поводка, то тут вот какое дело было. Мачеха не сразу о том сказала: думала, что померещилось ей с хвори или приснилось. Она в ту ночь от звука закрываемого окна проснулась. Вначале спросонья не поняла, кто это со свечой тут, а потом видит: падчерица с пустой кружкой в руке к дверям идёт. Ну, идёт себе и идёт, подумала мачеха, и снова задремала. Но перед тем, как соскользнуть в сон, увидела она ещё, что по комнате движется какая-то тень. Но это была не тень падчерицы – тень той падала на стену напротив. А эта тень двигалась не по стене, а прямо по воздуху. И движения её совсем не повторяли движения падчерицы; как будто бы отбрасывалась она другим человеком – кем-то невидимым, неторопливо идущим от окна к двери – следом за падчерицей.

А потом тень эта сверкнула в сторону мачехи глазами – два тускло-серебряных кругляша, на один короткий миг проступившие на призрачном лоскутке тьмы. А после уж мачеха уснула и проснулась лишь к вечеру следующего дня, когда сиделка опять принялась снадобьями её пичкать. Она-то и поведала ей печальную новость о смерти падчерицы. И через какое-то время мачеха всё постепенно вспомнила, что той ночью было, и поняла, в чём тут дело и от чего эта смерть внезапная.

Так что, можно сказать, не совсем уж это и глупости, будто поводка можно к самому себе вызвать. Но вообще других нелепых слухов вокруг этого много ходило. И больше всего от них тогда пострадал наш старый знакомый – трактирщик.

Не знаю уж, кому первому пришла в голову нелепая выдумка, будто трактирщик с поводка какую-то выгоду имеет. Некоторые даже примерную часть называли – десятина! А находились и такие, что и вовсе уж точную сумму сообщить могли. Ну, а что? Дураков много – чужие деньги считать.

По закону, конечно, запретить человеку получать свою долю с прибыли в общем деле никто не мог, но тогда – по тому же самому закону – выходило так, что само это «общее дело» (если оно вообще было, конечно) есть преступление закона: душегубство же, что там ни говори. Да ещё и не просто душегубство, а при помощи колдовства. И это уж не просто виселицей попахивает, а кое-чем похуже. А раз так, то мигом заинтересовались этой историей и судейские. Так что пришлось нашему трактирщику снова с ними побеседовать.

Выполнить задушевную просьбу и всё честно рассказать трактирщик не мог – мигом бы за колдуна сочли. И пришлось ему во всём отпираться.

Ну, поотпирался он дня три, потом его отпустили, потом он отлежался немного – дней десять, не больше, – и жизнь пошла по-прежнему.

За исключением одной только мелочи: уже сам трактирщик начал задумываться, а за что ему эти вот беспокойства? За золото, что поводок когда-то дал? Так нет его давно уж, золота того – земли немного прикупил, лошадь, новый дом приобрёл с виноградником – своё вино теперь будет... Да и на лечение зятя много очень ушло... на бесполезное лечение, да...

Одним словом, очень огорчительными были эти размышления, очень.

И завершились они тем, что трактирщик решил: раз уж благодаря ему поводок с каждого по серебрянику получает, то неплохо бы и правда с этого дела что-нибудь поиметь, хотя бы ту же самую десятину или пусть даже меньше.

Ну, решить-то он решил, пожалуйста, сиди себе теперь на здоровье с решением этим, сколько влезет. Потому что, если знать хотя бы такую малость, что поводка этого никто и никогда не видел, то непонятно вообще, как же тогда с него свою долю требовать.

Бывало несколько случаев, когда кто-то наблюдал вещи странные, вроде той бредущей через комнату тени, о которой я уже рассказывал. Но самого поводка или внучка его, не к вечеру он будь помянут, – нет, не видел никто, даже сам трактирщик.

Но дело в том, что себя самого трактирщик считал в этой истории особенным, не таким, как все. В том смысле, что он-то, в отличие от остальных, старика-поводка видел, и внука его видел, и даже золото поводковое в руках держал. И может быть, что другому-то с поводком ничего и не обломится, а вот трактирщику наверняка что-нибудь перепадёт. Ведь не расскажи он всё, никто ничего бы и не узнал. И ничего бы не было...

Ни одно окно в дождливую ночь не распахнулось бы. Никто не шептал бы топорливым срывающимся голосом заветные слова. Ни одной монетки не сверкнуло бы на мокрых от дождя камнях мостовой или на напитанной водой деревенской грязи. И ни одной монетки никогда не досталось бы поводку...

Вино чудодейственным образом помогает принимать решения. Особенно решения глупые.

И ничего удивительного в том, что в один из дней после выпитого трактирщик отправился разыскивать поводка, чтобы получить с него звонкой монетой то, что ему – трактирщику – причитается.

Весь этот день шёл дождь, и к ночи он не перестал. В трактире посетителей было немного, а с заходом солнца он и вовсе опустел. Послonyaвшись между столиками и позевав, трактирщик решил выпить вина. Ну, а отчего бы не выпить, если делать нечего? Посетителей нет, постояльцев тоже, доходы в последнее время упали, денег не хватает...

Эх! Встретить бы снова поводка того! Я б ему за то золото столько харчей отвалил бы – вдесятером не сожрать! Чего ж он не появляется-то?! Непонятно... Колодцы они там сидят, что ли... в этой своей Долине... или денег у них нету?..

Да не может быть, чтобы денег не было! По всему Закриарью (да и по Межгорью тоже) слухи про поводковые дела разошлись. Небось, раз десять за ночь кто-нибудь, да и плеснёт из окна водой... сверкнёт в воздухе монетка, закружится-завертится...

А почему бы поводку не поделиться хоть какой-нибудь малостью? Кто бы вообще знал о нём, если б не трактирщик?..

Он как-то пропустил момент, когда оказался на заднем дворе. Только что сидел за столом, горестно подперев голову руками, и вот он уже возле колодца, стоит и зачем-то смотрит на старое засохшее дерево, кажущееся в свете фонаря совершенно чёрным от влаги. Капельки воды висели на ветвях подобно крошечным драгоценным камням. Время от времени то одна из них, то другая срывалась вниз, вспыхивая напоследок маленькой звёздочкой... или серебряной монеткой...

Дождь уже не лил так сильно, как днём. Сейчас он превратился в редкую морось, сырой пылью висевшую в воздухе. И те «пылинки», что попадали в лучи света, посверкивали ледяными искорками – будто, оказавшись на свету, мгновенно замерзали.

Трактирщик прикрыл поплотнее дверь, немного подумал, не загасить ли фонарь, и рассудил, что не стоит. Затем он для чего-то заглянул в колодец и некоторое время пристально следил за серебристой пылью, сыплющейся в чёрную бездонную трубу. Капли дождя были заметны, лишь пока находились в свете фонаря, и казалось, будто над колодцем и чуть ниже суетливо носится рой мошканы. От этого мельтешения темнота в самом колодце делалась плотнее и глубже. И чудилось уже в темноте этой какое-то таинственное движение, неясное, но угадываемое пугающее шевеление. В глубине души возникла и окрепла уверенность, что там, за пределами видимости, ещё миг назад что-то ворочалось, устраивалось поудобнее; а сейчас замерло в ожидании, пока трактирщик наклонится ниже, в попытке разглядеть... чтобы в тот же миг метнуться к нему, схватить, вцепиться костяными пальцами...

Трактирщик выругался вполголоса и отпрянул от колодца, оттолкнувшись от мокрых холодных камней с такой силой, будто хотел отшвырнуть их как можно дальше. Непрерывно оглядываясь на него, трактирщик вышел со двора, миновав просевшие в землю и потому вечно открытые ворота. Кованые железные прутья их были покрыты ржавчиной и мокры от дождя, и трактирщик подумал, что так они могли бы выглядеть, обмажь их кто-нибудь кровью, густой кровью, капающей с завитушек тяжёлыми ленивыми каплями. Трактирщик передёрнул плечами и вышел в узенький глухой переулок. Здесь было уже совершенно темно, свет трактирного фонаря почти не достигал этих сырых стен. Трактирщик на ощупь выбрался на улицу и завертел головой по сторонам, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть.

Здесь не было ни лавок, ни мастерских, поэтому окна нижних этажей не прятались за глухими ставнями, и в двух или трёх из них ещё теплилось пламя свечей. Эти скудные отсветы падали в ночь, выхватывая рой дождевых капель и тускло-стальные лужицы меж камней мостовой. Трактирщик поёжился, надвинул поглубже шляпу и подумал о том, что надо было захватить плащ. Но мрак за спиной – там, откуда он пришёл – был слишком густым и непроглядным, совсем, как в колодце... Нет! Возвращаться за плащом он не станет...

Хорошо, но куда же ему тогда идти? Ведь просто стоять тут не имеет никакого смысла – с чего он взял, будто поводка позовут из этого окна? Или вот из этого. Или из того...

Трактирщик вдруг остро почувствовал всю глупость своей затеи. Кроме того, он некстати вспомнил о грабителях и ночной страже. Грабителей, сказать откровенно,

он не слишком опасался; в своём квартале его все хорошо знали, и вряд ли к нему кто-нибудь полезет. А вот стражники – это другое дело, эти и забрать или даже прибить могут. Хотя, если крепко подумать, стражники тоже люди, и в дождь наверняка выбрали себе занятие посуше, нежели шляться по улицам. Так что можно, наверное, не беспокоиться, иди себе, куда хочешь. Вопрос только – куда? В самом деле, не станет же он бродить всю ночь по улице в надежде...

Трактирщик вздрогнул. Ему показалось, что где-то впереди хлопнуло окно. Этот звук подействовал на него, как удар кнута. Ему уже чудилось, что за шумом дождя он различает сбивающийся шёпоток. Трактирщик метнулся на звук, пробежал несколько шагов, заозирался. Которое же это было окно? Все закрыты!..

В окне по левую руку мигнула и погасла свеча. Трактирщик дёрнулся, подскочил к нему и попытался разглядеть, что там, внутри дома, происходит.

– А я вот щас те рыло-то намну!.. – с угрозой донеслось из окна.

Трактирщик быстренько отошёл, пока хозяин дома не решил привести свою угрозу в исполнение. И куда же теперь идти?

Словно в ответ на эти мысли распахнулось окно прямо над его головой. И...

Трактирщик, не веря в свою удачу, как зачарованный смотрел на силуэт хрупкой девушки, возникший в окне. Он не видел, как шевелятся её губы, но очень хорошо представлял себе это. И в ушах сами собой зазвучали произносимые ею слова.

А потом она протянула руку, и трактирщик скорее догадался, чем увидел, как она выплёскивает воду из кружки. Но вот монету он разглядел хорошо, несмотря на темноту. Трактирщик жадно следил взглядом за её полётом. Он уже видел, что монета должна была упасть на камни мостовой прямо у его ног. Но этого не произошло.

Трактирщик еле сдержал полный изумления крик. Всё выглядело так, словно невидимая цепкая рука протянулась откуда-то из невообразимой дали, подхватила монету прямо в воздухе, сжала её в кулаке и канула неведомо куда. А через миг трактирщик внезапно понял, что руку эту он себе не вообразил – он видел её, и правда видел! То есть, если бы дело до того дошло, он, скорее всего, не отважился бы поклясться, что на самом деле её видел – вот как вы все сейчас видите меня, например. Нет, он видел это всё как-то иначе, не глазами, а будто бы душой. И это не было миражом или мороком, и это ему отнюдь не примерещилось. Он, можно так сказать, знал это, был в этом уверен. И не только руку видел он, но и два таких знакомых серебристых глаза, холодно смотрящих на него из темноты. Видение было коротким, но и от него похолодело в груди.

Трактирщик попятился, уперся спиной в сырую стену и, нашаривая по ней руками дорогу, мелкими шажками быстро двинулся обратно. Чёрная пасть переулка, ведущего к заднему двору трактира, казалась ему сейчас безопаснее улицы, на которой творится подобное...

Оказавшись там, трактирщик развернулся и двинулся спиной вперёд – очень уж жутко было ему оставлять позади себя этот холодный взгляд. Пятясь, он споткнулся о торчащий из земли камень и едва не упал. Уцепившись за стену, он остановился и перевёл дух. Отсюда выход к улице казался далёким и тёмным. Во всех окнах там уже загасили свечи, тьма полностью залила каменное русло меж домами, и сейчас улица ничем не отличалась от колодца на заднем дворе...

Трактирщик судорожно сглотнул и двинулся дальше. Шаг, другой третий... Вот уже и ворота, и фонарь горит у дверей; свет от него такой тёплый, такой уютный... Но сейчас почему-то кажется, что воротные прутья и правда перемазаны кровью. И с каждым мигмом кровь эта делается всё темнее, будто подсыхая, сворачиваясь... Но – нет! Это просто темнота подбирается ближе!.. Она, словно густая чёрная жижа, уже вдавливаются через ворота во двор. Она заполняет пространство, заливая всё во круг, накатываясь на трактирщика тягучей влажной волной. Она всё ближе и ближе. И под напором этого мрака начинает уже мерцать и ёжиться огонь в фонаре.

Кое-как совладав с собой, трактирщик ввалился в кухню. И, захлопывая дверь, наваливаясь на неё всем телом, трактирщик успел увидеть, как, мигнув в последний раз, гаснет фонарь снаружи. И, уже заперев щеколду, он услышал, как в затопившей двор бесконечной тьме прозвучал негромкий смешок.

И тогда трактирщик не выдержал и закричал.

Звук собственного голоса немного отрезвил его. Он понял, что стоит в кухне, и с него прямо на пол стекают целые потоки воды. Это всё дождь, подумал он. Просто дождь. Не было никакого смешка за дверью. А фонарь – фонарь сам погас, не может же он сутками напролёт гореть, верно? И в колодце ничего такого не было. И на воротных прутьях – только мокрая ржавчина. Что же до монеты... ну, не увидел он, как та падает – поди, увидь тут чего, в такую-то темень, да ещё в дождь, да ещё спьяну... Кстати, выпить бы ещё, а то простужусь...

Успокоив себя таким образом, трактирщик хлебнул немного вина и отправился спать, порешив завтра вообще не открывать трактира. Но надо сказать, что это ночное приключение не прошло для него совершенно бесследно.

С того самого дня начал замечать наш трактирщик очень странные вещи вокруг себя. Бывало, зайдёт в трактир посетитель или там на постой комнату кто из приезжих снимет, а трактирщик уже знает, вызывал ли тот к кому из близких своих поводка или нет. Сразу узнаёт, по глазам их видит – глаза таких людей казались трактирщику белёсыми, мёртвыми, словно тусклой серебряной пылью припорошенные. Причём другие люди ничего подобного в глазах у них не замечали, трактирщик специально и поварёнка просил взглянуть, и дочке поручал внимание обратить. Но те ничего не видели – глаза как глаза, иногда пьяные, иногда глупые, иногда злые или добрые. Вот тебе и все ответы.

Не ясно, как именно трактирщик понял это про них, просто узнал или догадался – и всё! Разок-другой, будучи в мрачном настроении, он прямо в лоб возьми да и спроси у таких, к кому же они поводка приглашали. Те, понятное дело, сразу же принимались отнекиваться, строить изумлённые лица, глазами убедительно так хлопать. Мол, какой такой поводок?! Не знаю я никаких поводков!

Трактирщик даже и не спорил с ними. И слепому понятно было, что врут. Хотя бы по тому, как от этого вопроса они вздрагивали, вскидывались, словно огретая хлыстом лошадь.

Трактирщик и себя самого несколько дней в зеркале разглядывал. Ведь он был первым, кто поводка вызвал. Но его глаза ничем не походили на глаза других; его глаза по-прежнему оставались живыми, хотя и взволнованными, но без мутноватой серебристой пелены. Он и к дочери приставал, чтобы та в глаза ему посмотрела – нет ли там чего такого, не серебрится ли. Но ничего там не было, всегдашние чистые глаза, только что слишком часто пьяные в последнее время.

Это всё было первой странностью, подмеченной трактирщиком. Вторая же странность была ещё более удивительной. И для нашего трактирщика она имела самые роковые последствия. Обнаружил он её в первый же дождливый день, а заключалась она в следующем.

Едва первые капли дождя упали на землю, как трактирщику вдруг привиделся какой-то совершенно не знакомый дом. Видение было настолько ярким, как если бы он смотрел на него в ясный вечер через открытое окно. Но за окном ничего такого и в помине не было – трактирщик специально выглянул, чтобы проверить, хотя этого и не требовалось совсем. Однако стоило ему лишь на миг прикрыть глаза, как видение вернулось.

Ничего не было в нём такого, что хоть как-то давало бы понять, где этот дом находится. Но трактирщик почему-то сразу решил, что расположен он здесь, в Кашиоре, в западной части города. И сразу же увидел и то, как к нему добраться.

Зачем? Зачем ему вообще туда идти?!

А затем, что сегодня туда кто-то поводка позовёт. Не прямо сейчас, понятное дело, – ночью. Не самой глубокой, так что хорошо бы туда заранее отправиться...

Ещё до наступления темноты трактирщик был на месте. Он легко отыскал нужный дом и встал так, чтобы его не было видно.

Стемнело быстро. Трактирщик, закутавшись в плащ и низко надвинув капюшон, не отводил взгляда от окон. Фонарь у дверей соседней лавки хорошо освещал стену дома, оставляя в темноте подворотню, где прятался трактирщик. И как раз в тот самый момент, когда хозяин лавки вышел уже загасить фонарь, это и случилось.

Последние отблески света выхватили из темноты распахнувшееся окно и мелькнувшую в воздухе монету. А потом – снова, как и в прошлый раз, метнулась к ней рука, чернее окружавшей её тьмы...

Фонарь у лавки погас, и наступила полная темнота. Но трактирщик отступил ещё глубже в тень, потом развернулся и припустился домой. Пробежав две или три улицы, он сбавил шаг. В самом деле, чего это он вздумал удирать?! Он же собирался с поводком повидаться!

Но ведь не было его опять, поводка этого. Опять не самолично пришёл, а то ли внука своего нехорошего послал, то ли из самой Пустынной Долины руки свои загребущие сюда тянет как-то.

«А вот подхватить монету на лету! – обмирая то ли от холода, то ли от столь отчаянных мыслей, подумал трактирщик. – Раньше него схватить! Вот тогда и посмотрим! Сам меня искать будет, поводок этот! А то, лови его тут – ночью, под дождём...»

С того вечера ни одной дождливой ночи не пропускал трактирщик. Оставлял заведение своё на дочку, да и бежал-спешил успеть за серебром раньше поводка. И каждый раз он чувствовал и знал, в каком доме распахнётся окно, чтобы слова заветные в ночь выплеснуть. И вскоре начал он чувствовать это уже загодя, а не с началом дождя; мог и за два-три дня понять, куда направляться нужно.

Дочка рассказывала, что уходил он всегда очень возбуждённый и суетливый, с горящим взором – совсем, как юнец, спешащий на своё первое свидание с подружкой. А возвращался всегда хмурый и злой. Плечи опущены, брови нахмурены, рывкает в ответ на любой вопрос, а потом выпивает вина, да и спать. И не спросит даже, всё ли в порядке, не случилось ли чего в трактире в его отсутствие.

Потом он уже на два-три дня пропадать стал, а иногда и на дольше. В другие города уезжал – в Акару, в Тиоар или Даглар, а то и в сам Кагоар даже. Говорил, что по важным делам. Врал, конечно. Какие у него там важные дела могут быть?

Возвращался он из своих отлучек всегда разочарованным. Выпивал всё чаще и чаще. И постоянно ворчал себе под нос что-то невразумительное, да ещё и с угрозой такой: «Ничего, в следующий раз обязательно поймаю... раньше тебя поймаю...»

Надо сказать, что дочку устраивали эти частые и длительные отсутствия отца. Хватка у неё, видать, всегда была, а теперь она и применение ей отыскала; и дела в трактире пошли не в пример лучше. Посетителей сделалось больше: на молодую и красивую вдову посмотреть, да ещё и вина хорошего (неразбавленного водой) выпить – приятнее же, чем на хмурую рожу трактирщика любоваться. Так что, пусть уж его, ездит себе, где хочет и сколько хочет. И без него дела идут, и даже ещё лучше.

Ещё одну странность тоже лучше сейчас прямо упомянуть, а то забуду. Дело в том, что во время своих ночных прогулок трактирщик ни разу не имел неприятностей ни с грабителями, ни с ночными патрулями. Хотя часто приходилось ему бывать по ночам в таких кварталах, где и днём-то зарезать могут, и куда даже патруль заходить не рискует. Несколько раз трактирщик становился свидетелем поножовщины меж разбойниками, а иногда и видел даже, как прохожих грабят и режут – прямо рядом с ним случалось, рукой подать. Однако никто на него внимания не обращал, словно и не было его тут. Сам трактирщик в эти дела не лез – не его же режут, – хотя по-

началу и нервничал очень, видя такое преступление закона. Или же наоборот, соблюдение его – это когда стражники успевали вовремя или когда они просто кого-то задерживали, а то и в драку с нарушителями вступали. Стража тоже трактирщика словно бы не видела. Он сперва, как я уже говорил, шалел малость от такого, а потом ничего, привык. Иной раз, торопясь к нужному дому, даже мог ненароком задеть плечом какого-нибудь офицера. Так тот остановится, башкой по сторонам повертит, орла на рукаве камзола ладонью потрёт, да и пожмёт плечами. И дальше себе пойдёт, не поняв ничего. И так до самого конца истории это всё и продолжалось.

В ту последнюю ночь трактирщик вдруг засобирался в новый их дом, что при виноградниках находился. Работниками там были два брата, живших в пристройке и заодно охранявших хозяйство. За какой надобностью трактирщика туда понесло, дочка не знала, да и не хотела знать. Отец, собираясь, брякнул чужь какую-то, что один из работников, похоже, тяжело захворал. Дочка лишь плечами пожала. Опять ведь врёт. А если даже и впрямь захворал, отцу-то какая до того печаль? Он что, лекарь?

А дело обстояло таким образом, что один из работников – старший брат который – и правда сильно занедужил. Неприятность с ним случилась, ножом пырнули. Услышали братья как-то ночью шум подозрительный в доме. Выглянули – так и есть, воры! Братья шуганули их как следует, те – бежать. А старший брат увлётся, разгорячённый победой, да и решил одного из них поймать и связать. А у того нож. Ну, и дальше понятно уж.

Поначалу решили, что рана неопасная, но потом она воспалилась, горячка началась. И через пять дней старший брат уже с постели встать не мог.

Все работы по дому и винограднику свалились на младшего. Да ещё и заботы о больном брате, которого он, надо признать, недолюбливал за что-то. Не знаю уж, за что: то ли тот поколачивал его в силу своего старшинства, то ли девку у него когда-то отбил, то ли в дележе заработка нечестен был с ним – не знаю, да и неважно это. Другое важно: больной очень уж раздражающе мешал младшему брату. Да и если подумать, то сейчас младший со всеми работами в одиночку справляется, и неплохо справляется. Так что живи и работай он тут один, да если б ещё и на больного денег не тратить, то может быть, и жениться бы смог. И жалеть ли ради такого дела одного-единственного серебряника?

О поводке младший брат давно знал, хотя и не верил в эти сказки, конечно же. Мало ли, какие слухи по миру ходят, что же теперь, всем им верить, что ли? Но, с другой стороны, что же теперь, никаким не верить? Глупые сказки, но кто мешает попробовать? Хотя бы для того, чтобы убедиться: наврали всё. Кто мешает-то? Совесть?

Но совесть-то тут при чём?! Из-за пустых слухов совеститься? А если слухи не окажутся пустыми, если этот сказочный поводок и правда существует – так кто ж знал-то! Случайность просто. Взяли, понимаешь ли, манеру – за всякую ерунду совестью в глаза тыкать. Ох, и много же нынче в мире людей, готовых попрекнуть других за то, что те хотят жить по-своему, а не как попрекающим желается.

Да и не переживал младший брат насчёт совести-то. Больному всё равно помирать, рана оказалась очень нехорошей, он уж и в сознание не приходит. И лекарь, приглашённый на последние деньги, тоже заявил, что помрёт обязательно, ещё до весны... То есть так выходит, что всю зиму-то он ещё может и проболеть, на шее младшего брата...

И получается, что помирать хворому непременно. А уж зимой ли, весной ли или прямо сейчас, осенью, – велика ли разница?

И разве младшего брата вина перед старшим, что того ножом пырнули? Не погнался бы воров догонять – не пырнули бы. На младшего-то за что это всё навалилось? Разве сиделка он брату своему, разве сторож? И не надо опять про совесть мне тут! Нашли, о чём в нынешнее время рассуждать – о совести!

В общем, подумал младший брат немного – совсем немного, – и решился. А тут как раз кстати и дождичек накрапывать начал. Правда, хозяин сегодня зачем-то припёрся, но ничего так особо не требовал, и ужина не велел готовить. И в виноградники не заглянул, хотя обычно по приезду всегда обходил их – осматривал, поглаживал, даже, кажется, разговаривал с каждой лозой. А тут – прямо в дом прошёл и не посмотрел на них, любимых.

Вообще младшему брату показалось, что хозяин торопился отослать его из дома. Про брата старшего, кстати, спросил: о здоровье его справился, велел к нему побыстрее идти... откуда он вообще узнал, что брат хворает?..

Но ответа на этот вопрос младший брат так и не получил. Он вообще никогда больше не слышал и не видел трактирщика живым. Впрочем, нет – вру я, старый. Один разок он хозяина слышал, хотя и не сразу догадался, что это голос именно трактирщика. Это совсем уж поздней ночью случилось.

Хотя младший брат и не особо верил сказкам о поводке, но всё же ему немного боязно было всё это проделывать – с монетой и водой. Ведь тогда получится, что он всё-таки верит в это. Потому что, если не верит, то зачем тогда вообще взялся? А если верит...

Младший брат понял, что окончательно запутался. Верит, не верит... Какая разница, если он уже всё решил? Дальше откладывать – только оттягивать неизбежное. Время давно за полночь, ещё немного, и светать начнёт. И дождь, похоже, кончается, уже еле-еле капает...

Младший брат порылся в полотняном кошельке, где хранились все их сбережения, и отыскал там серебряную монетку. Потом зачерпнул кружкой воды из стоявшего на лавке ведра и бросил её туда. Заглянув в кружку, он зачем-то покачал её из стороны в сторону, словно ожидая, что монета растворится. Затем глубоко вздохнул (вдох у него получился тяжким и скорбным, как на похоронах) и подошёл к окну.

Старший брат лежал на койке неподвижно, дыхание его было прерывистым и неглубоким. Младший брат осторожно открыл окно, торопливо прошептал нужные слова и выплеснул воду. Рука его дёрнулась, и струя воды из кружки, унося с собой монету, улетела куда-то вбок. Младший брат хотел было выглянуть посмотреть, куда она упала. С какой такой дури ему этого захотелось – не знаю уж. Но очень хорошо, что ни выглянуть, ни посмотреть он не успел. А то, может быть, так и лёг бы бездыханным возле брата своего.

– Поймал!!! – хрипло заорал торжествующий голос под окном.

«Поводок!.. – холодея, подумал младший брат. – И правда, поводок! Сам!!!»

Захлопнув окно с такой силой, что едва не переломал себе пальцы, он попятился к койке, тяжело рухнул на неё задницей и замер. Взгляд его был прикован к койке старшего брата, стоявшей у противоположной стены. Большой судорожно втягивал носом воздух, словно ребёнок, успокаивающийся после долгой истерики и слёз. Непонятно, зачем, но младший брат принялся считать его вздохи.

Он считал и всё ждал, что следующий вздох станет последним. И когда он досчитал до трёх тысяч, а первые лучи солнца упали на чисто выскобленный пол комнаты, то понял, что этого не случится.

Соврали, значит, глупые сказки. Нет никакого поводка. Понавыдумывали, понимаешь, всякой ерунды, да и носят её по кабакам, за глоток вина умных развлекать да над дураками потешать.

Но кого же тогда он слышал нынешней ночью? Кто-то же заорал прямо под окном: «Поймал!..» Кто, если не дедок-поводок? И ведь голос был знакомый очень. Не, не может такого быть. Он ведь поводка никогда не видел, откуда же знакомый! Просто очень похож на чей-то... На голос хозяина, вот на чей!

Младший брат обмер. Не может быть, чтобы поводком был сам хозяин.

А почему не может? Ходят ведь такие слухи, что как раз с его трактира это всё

и пошло. Кто-то даже рассказывал, будто трактирщик с поводка десятину имеет. И ведь хозяин как раз вчера под вечер заявился, как раз к дождичку.

Младший брат почувствовал, как по спине его струйками стекает холодный пот. Внезапно узнать о своём хозяине такое – в это даже и поверить жутко. А вдруг он завтра потребует вместо него хворых забирать, а? Или... или ещё что-нибудь такое...

Мысли в голове младшего брата путались. Он вдруг сообразил, что солнце уже высоко, а хозяин завтрака не требует. Не иначе, как уехал. И ведь сам уехал, даже коня сам седлал. Тишком всё, тишком, чтобы никто не видел...

Погоди-ка! Но ведь тогда получается, что поводок и правда существует.

И вот прямо сейчас, прямо минувшей ночью он деньги взял, а работу-то не исполнил! Брат ведь до сих пор жив!

И не иначе, как все деньги свои он где-то в доме прячет. Или нет? Или ещё где-то? Не, ну не в трактире же он их держит. Ведь и воры сюда зачем-то же лезли.

А вот пойти и прямо сейчас поискать! Пока хозяина нет...

Младший брат решительно встал, вышел из пристройки и направился к дому. Он был так озабочен предстоящими поисками денег, что не обратил внимания на то, что хозяйская лошадь до сих пор в конюшне. И на то, что входная дверь дома не заперта, он тоже никак не отреагировал. Он спешил за серебром. Ему чужого не надо, свой серебряник вернуть – и хватит с него. И начать поиски он решил со спальни хозяина на верхнем этаже.

Там-то он как раз всё и нашёл – и деньги, и хозяина своего.

Дочери трактирщика новость об отце сообщил крестьянин, приехавший в город с товаром на продажу. Дочка вначале и не поняла, что он там такое говорит.

– Что значит: деньгами обожрался? – гаркнула она на крестьянина. – Что ты плетёшь!

– Чего велено было передать, то и говорю, – безразлично зевнул крестьянин.

– Ну, пойду я, пора мне...

Дочка к их новому дому добралась ещё до полудня. Отца она нашла быстро.

Трактирщик лежал на кровати прямо в плаще, и плащ этот, да и вся одежда его, промокли насквозь, словно он с моста в пруд упал. Вся комната была залита водой, как будто отец для чего-то ведер десять по полу расплескал.

Рот трактирщика был широко открыт, и дочка поначалу не поняла, что со ртом его не так. Ей показалось, что во рту у отца то ли мелкая нечищенная рыба в чешуе, то ли каша какая-то. Но, приглядевшись, она разобрала, что это деньги.

Да, рот трактирщика до отказа был набит серебряными монетами, аж щёки раздулись. Можно было подумать, что их туда силой напихали, под пытками, если бы не глаза.

Глаза трактирщика были открыты. И дочка с опаской заглянула в них. Она ожидала увидеть там предсмертный страх и мутный туман, что почти сразу же затапливает зрачки умерших. Но увидела она совершенно иное.

Взгляд трактирщика продолжал оставаться живым, ясным и чистым. И самое удивительное, что в глазах этих хорошо читалась радость. Как будто он увидел то, что давно ожидал, о чём долго мечтал. И даже после смерти продолжал видеть это; может быть, отправившись именно туда, куда ему всегда мечталось.

Наёмных работников дочка нашла, как и ожидала, в пристройке. Старший брат лежал на койке и, казалось, едва дышал. Лоб его был усыпан крупными каплями пота. Лицо побелело, губы казались совершенно серыми. Младший брат стоял возле него на коленях, держал старшего за руку и выглядел ничуть не лучше. И он беспрерывно что-то негромко и неразборчиво говорил, говорил, говорил.

Дочка прислушалась и поняла, что младший брат за что-то вымаливает у старшего прощение. Речь его сбивалась, он всхлипывал и часто повторял одно и то же, но яснее от повторов этих не становилось.

Дочь трактирщика испугалась, что он умом тронулся. Ведь это ж теперь выгонять его придётся. То есть не его даже, а их обоих. И сумасшедшего, и тяжелобольного... На душе у неё так паршиво сделалось, что и не передать. Отец, эти ещё тут... а потом ещё и новых работников нанимать... да и от прежних-то избавиться тоже, наверное, нелегко будет...

«Ну, если и правда выгонять, то не прямо сейчас, – подумала она. – Подождать денёк-другой можно, пусть пока тут поживут...»

И хорошо, что не поторопилась, кстати. Потому как младший брат уже на следующий день в себя пришёл. И с похоронами даже помогал. Так и решила она, что пусть уж прежние работники остаются. Не известно, как там раньше было, но при новой хозяйке младший брат показал себя работником добросовестным, старательным и умелым. Да и к тому же вскоре он почему-то пить бросил совершенно. В последний раз на похоронах старшего брата кувшин опорожнил. Видевшие рассказывали, что младший брат всё плакал да всхлипывал, и говорил, что едва он могилу землёй забрасывать начал, как оттуда вдруг хрипло как крикнет кто-то: «Пой-мал!..» Спать у него не сбросишь, конечно. Но вот с того-то самого дня он пить и бросил, совершенно. И правильно сделал, я считаю. Если подобное мерещится, то пить дальше никак нельзя, это точно. А старший брат его, кстати, ещё до зимы помер-то. Сам помер, безо всяких там поводков справился.

Трактиром же и виноградниками стала заправлять дочка старого трактирщика. Дела у неё хорошо шли, многие даже завидовали. И вот, кстати, из зависти этой, может быть, слухи-то и начали рождаться. Что делать, чужие деньги часто людям покоя не дают. А уж что сочиняли-то, что сочиняли! Такие небылицы складывали, что только руками развести – и какие дураки в это верят?!

Например, ввали про трактирщицу, будто она отца своего не схоронила, а припрятала где-то. И теперь ночами посылает его у поводка деньги таскать. Отсюда, мол, и все доходы её, а не из трактира и не от продажи вина.

Вот что сочиняли, видите? Кто вина того пробовал, очень этим глупостям удивлялся. Вино хорошее, многие берут. Хозяйка, в отличие от отца её, водой не разбавляет. Почему бы не быть от такой торговли большим доходам?

И потом, поди отбери у поводка денег. Старый трактирщик вот, отобрал уже... теперь о нём тоже сказки рассказывают... Да и откуда у поводка такие деньги? Ведь чтобы столько серебра заполучить, сколько трактирщица, поводку пришлось бы полстраны угробить. Ладно бы монеток хоть по тридцать он брал, а по серебрянику с человека – какой же это доход? Да и не из-за денег это всё поводок затевал, понимать надо.

А что трактирщица будто отца не схоронила, будто могила его пуста – вообще глупость несусветная. Чтобы самому убедиться в этом, достаточно на могилу старого трактирщика сходить. Особенно если в нарождающуюся луну это сделать.

В такую ночь на кладбище темнее всего, лунный свет обманчивыми лучами своими не отвлекает, и можно понять, что на могиле трактирщика творится. Видно, как от земли кладбищенской лёгкий такой парок поднимается, словно от горячей воды зимой. Поднимается он, значит, и не в небо тянется, а к могиле трактирщика струится. И там, прямо возле камня могильного, собирается в плотный комок, в слегка лучащийся бледным светом сгусток. В луну – особенно в полную – этого светящегося тумана не видать, лунный свет мешает. А в безлунье это всё хорошо различимо: и как густится на могиле бледная тень, напоминающая сидящего на корточках паренька; и как она посперкивает по сторонам холодными серебрястыми глазами – словно охраняя и могилу, и того, кто там лежит, от посягательств всяких.

Вы вот сами посудите, могло бы такое происходить, будь могила пустой? Кто бы там над могилой трактирщицовой ни сидел – хоть внучок, хоть кто другой, – он что, дурак, что ли, пустую яму беречь? Вот то-то и оно!

Те, у кого с воображением совсем хорошо было, те вообще байки плели, что трактирщица схоронить-то отца схоронила, но голову его себе оставила. С серебром, понятное дело, что во рту находилось. Она, мол, по монетке оттуда достаёт, а серебро-то никак не кончается, пасть мёртвая вечно деньгами полна.

Один дурак проверить решил. Умный такой дурак, очень обстоятельно к делу подошёл, ничего не скажешь. Специально комнату в трактире снял; специально дождался, пока хозяйка на виноградники уедет, оставив трактир на слугу, что по кухне помогал. Этот слуга-то первым на его крики и прибежал.

Дурак-то тот ночью в комнату к хозяйке забрался и принялся голову искать. А потом уверял, что нашёл, что хотел изо рта денег достать, и что голова эта его цапнула.

Ну, видели люди эту его руку. Да, двух пальцев нету – и что? Мало ли, где он их потерять мог?

Слуга, правда, что на крик прибежал, рассказывал после, будто слышал, как по хозяйской комнате катается что-то. Он так решил, что это шар деревянный. Почему шар? Почему деревянный? Тьфу! Слуга тот, видать, тоже не великого ума оказался. А с дураков что взять? Будет голова при таких-то деньгах во рту по комнате раскатывать, да ещё каждого встречного за грязные пальцы кусать.

Ещё болтали, будто никакого деда во всей этой истории и не было вовсе, а был один лишь только внучок умерший, и что это всё его проделки. Он, дескать, и хвосты забирал, и людям мерещился, и за деда себя выдавал.

Вот это уж вообще и объяснять не хочется даже. Чей же он тогда внучок, если никакого деда не было? Не-е-ет, был дедок, был. Хотя, конечно, хорошего от него на свете не много осталось. Но это уж у кого как получится: дедушки – они ведь разные бывают; я в самом начале говорил вам уже.

Был дедок-поводок и до сих пор никуда не делся. Так это и знайте. И если вы всё правильно запомнили, что я вам тут рассказал, имейте это в виду... это я про воду, монетку, про то, какие слова говорить надо, и чтобы дождик непременно...

Ну, а с совестью своей – это вы уж сами как-нибудь договаривайтесь. Главное, чтобы было, с чем договариваться-то...

Декабрь, 2020.

